

ОЛЕГ ЛЕТОПИСНЫЙ И ПУШКИНСКИЙ

Иштван Феринц

(Ferincz István, József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Согласно "Повести временных лет" (ПВЛ) княжение Олега в Новгороде начинается в 879 году, когда "умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу – родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал."¹ Но не все летописи признают Олега князем. Например, предшествующий ПВЛ Начальный свод именуется Олега сначала воеводой Рюрика, а после его смерти – Игоря.² Любопытно, что в "Слове о Законе и Благодати" Илариона, написанном в 30-х годах XI в., род киевских князей возводится именно к Игорю, а не к Олегу и не к Рюрику. Видимо, Олег не был родственником Игоря; поэтому Никон или составитель Начального свода, стремясь укрепить версию династической преемственности русских князей, занимающих великокняжеский престол в Киеве, возводит род русских князей не к Игорю, а к призванному новгородцами варяжскому князю Рюрику. При этом Рюрик объявляется отцом Игоря, а князь Олег низводится в ранг воеводы. Нестор же в начале XII в. уточняет и развивает варяжскую легенду Никона: упоминаемые в Начальном своде варяжские князья Аскольд и Дир объявляются теперь всего лишь боярами Рюрика, к тому же "не племени его". Убедившись на основании текста договора с Византией, что Олег является полноправным князем, Нестор возвращает ему княжеское достоинство, считает его родственником Рю-

¹ "Въ лѣто 6387. Умершю Рюरिकови, предасть княженъе свое Олгови, от рода ему суца, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми" (1, с.38).

² "Рюрик же кнѣжащю въ Новѣгороде, роди сынъ, и нарече имя емоу Игорьъ. И възрастѣшоу же ся Игорю, и бысть храборъ и мудръ; и бысть оу него воевода, именем Олегъ, моужь моудръ и храборъ" (3, с. 12, см. тж. 2, с. 107).

рика, княжившим в годы малолетства Игоря.³ Кроме того, это утверждение совпало с народным преданием, знавшим Олега как князя.

Вокняжение Олега в Киеве связывается в ПВЛ с 882 годом, когда "выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов и пришел к Смоленску, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей..." Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, а также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Тут спрятав часть своих воинов, послал к Аскольду и Диру, говоря им: "Мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим". Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: "Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода, а когда вынесли Игоря, добавил: "Вот он сын Рюрика." И убили Аскольда и Дира..." (1, с. 39). Говоря об Аскольде и Дире, летописец специально подчеркивает, что князья, захватившие Киев, всего лишь "мужи Рюрика, не родственники его, но бояре"⁴, которые еще раньше (в 862 г.) отпросились в Царьград со своим родом, но остались в Киеве и стали владеть землей полян. Это должно оправдать убийство Аскольда и Дира Олегом, который действовал от имени Игоря, согласно летописной версии – сына Рюрика. Завоевание Киева позволяет Олегу объединить Новгород – центр северных групп восточнославянских племен и Киев – центр южных групп племен. Точнее говоря Олег делает политическим центром объединенного государства Киев, что передается в летописи следующими словами: "И сел Олег, княже, в Киеве, и сказал Олег: "Да будет матерью городам

³ И эта версия Нестора, конечно, мало убедительна. Она легко опровергается простейшим расчетом: даже если мы допустим, что Игорь родился в год смерти Рюрика, все равно окажется слишком продолжительным регенство Олега – в год смерти последнего Игорю было бы более 30-и лет.

⁴ "И бяста у него [Рюрика] 2 мужа, не племени его, но боярина, и та и спросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градок [Киев]. Аскольдъ же и Диръ остаѣта въ градѣ семь ..., и начаста владѣти польскою землею..." (1, с. 36).

русским."⁵ Это событие, относимое летописью к 882 г., традиционно считается датой образования Древнерусского государства.

Основная деятельность Олега в следующие годы была направлена на завоевание и подчинение киевскому политическому центру славянских племен. Уже в следующем 883 году "начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице". А затем (в 884 и 885 гг.) выступает Олег против северян и радимичей, покорив их, уничтожает зависимость северян и радимичей от хазар, данниками которых они были: "И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал" (1, с. 39–41) – констатирует летописец под 885 годом. Этим сообщением летописец как бы пытается очертить пределы подвластных Олегу земель. Они простираются от Новгорода до Киева; только уличи и тиверцы, обитавшие к западу от Южного Буга и Днестра, не покорились киевскому князю. Эти походы имели своей целью расширение территории Древней Руси, и укрепление ее границ, именно для этого Олег начал ставить города.

Иной характер носили походы Олега на Византию. Они являлись как бы продолжением походов славян на Византию в VI–VII вв. Это была борьба молодого развивающегося варварского государства с крупнейшим центром и наследником древней античной культуры, борьба за утверждение своего международного положения и укрепления экономических и культурных связей с Византией.

Если не считать похода 866 г. (еще до образования Древнерусского государства), то первым походом Руси на Византию является поход Олега 907 г., о котором подробно повествует летописец в ПВЛ (см. 1, с. 44–45). В летописном описании этого похода обнаруживаются многие черты характера Олега. Он, как и остальные первые русские князья Игорь, Ольга, Святослав, охарактеризован приемами устного народного эпоса. Олег направляется на Царьград со множеством воинов на конях и на кораблях; кораблей

⁵ "И съде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: "Се буди мати градомъ русьскимъ" (1, с. 38).

у него было 2000. Уже перечислением народов, составивших Олегово войско, летописец подчеркивает многочисленность его войска, и в то же время дает наглядный список племен, уже покоренных им. После прихода Олега к Царьграду, когда греки "замкнули Суд, а город затворили", описывается жестокость мести князя-варвара в окрестностях города: "Много убийств сотворили, разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море". Однако эти жестокости не осуждаются летописцем, ибо так "обычно делают враги". Затем следуют эффектные эпизоды похода, несомненно, фольклорного происхождения, в которых проявляется мудрость и воинская смекалка Олега: он велел своим воинам поставить корабли на колеса и на кораблях при попутном ветре под парусами пошел к городу. Греки испугались и попросили пощады, обещая платить Олегу какую угодно дань. Олег ловко разгадывает все хитросплетения своих врагов-греков: они вынесли ему пищу и вино, но Олег не принял угощения, потому что оно было отравлено. Греки испугались и сказали: "Это не Олег, а святой Димитрий послан против нас Богом". "И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцать гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей." И согласились на это греки, и стали просить мира. Олег же заключает выгодный для Руси мирный договор с Византией. В знак одержанной победы Олег повесил свой щит на воротах Царьграда, "и вернулся в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными".

Приведенные эпизоды "биографии" Олега последовательно выдержаны в эпическом плане. Олег в летописи с легкостью, типичной для эпического героя, преодолевает все препятствия на своем пути; он без боя берет Смоленск, Любеч; хитростью овладевает Киевом; не встречая никакого сопротивления, побеждает племена древлян, северян и радимичей; идет походом на Царьград; греки фактически не оказывают ему никакого сопротивления; Олег запугивает их хитростью и заставляет их уплатить огромную дань; мудрый и "вещий", он не пьет вина, отравленного греками; в знак

победы вешает свой щит на воротах Царьграда к вящему позору врагов и славе своей родины. Перед нами образ мужественного, мудрого и хитрого князя-воина, образ которого не создается в самой литературе, а только попадает в нее из фольклора. Как указал в свое время еще Н. Костомаров, в описании похода Олега на Византию очень сильно дают себя знать следы народно-поэтического предания (см. 4, с. 71–73)⁶. Когда события записываются по следам народных преданий возникает своеобразный стиль в изображении героя, который Д.С. Лихачев назвал эпическим (см. 5, с. 63–71). Характерной особенностью этого способа изображения человека является отражение не внутренних переживаний героя, а главным образом – его поступков, подвигов, неотделимых от него. Образ Олега неотделим от совершенных им подвигов, деяний, запечатлевшихся в памяти народа. Летописные поступки, деяния Олега составляют его яркую характеристику, которая едина, неизменна и прикреплена к нему. Такая характеристика героя является как бы его гербом, "она кратка и необычайно выразительна, как щит Вещего Олега на воротах Царьграда" (5, с. 65).

Как послал Олег после победы мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, об этом подробно рассказывает летописец несколько позднее, под 912 г. Сообщив, что "послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих [Льва и Александра – И.Ф.] царей, как заключили мир и договор положили между Греческой землею и Русскою и установили не преступать клятвы – ни грекам ни руси", летописец констатирует, что "жил Олег, княжа, в Киеве, мир имея со

⁶ Костомаров указывает на то, что перечисление народов, отправляющихся с Олегом на Византию, является обычным в героических песнопениях; число сорок (на каждом корабле было по 40 человек!) явно обличает, в ряде других признаков, песенный склад рассказа; число двенадцать (Олег требует по 12 гривен на человека!) – опять число символическое, обычное в песнях и сказках. Мотивы: установление кораблей на колеса, и отравленные пища и питье, обильная дань с побежденных, символический знак одержанной победы (щит на воротах Царьграда) все они фигурируют во многих народных сказаниях, следовательно являются отражением мотивов исторического фольклора.

всеми странами" (1, с. 92–93), и тут же, под 921 годом, приводит предание о смерти Олега от своего коня.

Историческая (фабульная) основа этого сказания была, видимо, довольно бедной: в Новгородской первой летописи, отражающей более древнюю летопись, чем ПВЛ, об Олеге было сказано только, что "иде Олег к Новгороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же скажут, яко идуцю ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозе" (2, с. 109)⁷. На материале этой скромной фабулы был построен очень изящный сюжет о сбывшемся предсказании волхва.

Волхв предсказал князю смерть от любимого коня. Олег поставил его кормить, "решив никогда на него не садиться." Однако впоследствии ("на пятый год помянул он своего коня") он узнает, что конь уже умер. Олег посмеялся над лживым предсказанием и пожелал увидеть кости коня. Но когда князь наступил ногой на "лоб" (череп) коня, то был ужален "выползшей из черепа змеей", разболелся и умер.

Это предание имеет законченный сюжет, который раскрывается в лаконичном драматическом повествовании, в котором особенно интересен редкий для древнерусской литературы прием обратной временной последовательности (см. 6, с. 38). Сказание начинается с вопроса Олега о судьбе коня, которого когда-то поставил кормить, "решив никогда на него не садиться", потом рассказывается, почему он расстался с любимым конем, а затем повествование снова возвращается к исходному моменту рассказа – к вопросу Олега: "Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?" Узнав, что конь "умер", Олег "посмеялся и укорил того кудесника, сказав: "Не право говорят волхвы, но все то ложь", ибо предсказание не сбылось. Он хочет своими глазами убедиться в лживости пророчества и увидеть кости любимого коня. Кульминацией ска-

⁷ На легендарность рассказа о смерти Олега указывает, в частности, тот факт, что в Новгородской летописи местом захоронения Олега названа Ладога, предание о княжеском коне вообще отсутствует, а версия о смерти от укуса змеи дается с оговоркой: "Друзии же скажут..."

зания является сцена неожиданной гибели "вещего" князя; именно здесь элементы описания выполняют подлинно сюжетную функцию. Видимо, не случайно, эта сцена выписывается чрезвычайно тщательно, как бы привлекая и останавливая внимание читателя на отдельных моментах: "И приказал оседлать себе коня: "Да увижу кости его". И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня". И вновь кощунственно "посмеялся и сказал: "От этого ли черепа смерть мне принять?", и даже смело "ступил он ногою на череп". До самого последнего момента кажутся справедливыми насмешки разуверившегося в прозорливости волхов Олега. Развязка поэтому оказывается совершенно неожиданной и настолько впечатляющей, что благочестивый летописец испугался, как бы читатель не уверовал в пророческий дар языческих волхов, и вынужден был включить в летопись пространную выписку из "Хроники Георгия Амартола", разъясняющую, что если "чародейство" иногда и сбывается от волхвования, то это случается "попущением божим и творением бесовским", и что вообще подобными делами испытывается твердость нашей веры. Эта концовка была явной (и не очень удачной) попыткой внешнехудожественными средствами приглушить вывод, "подсказанный" сюжетом: Олег ведь разуверился в прозорливости волхов и все-таки бог "пустил" его гибель и торжество волхва. В сказании ярко выражена мысль о силе судьбы, о неизбежности рокового конца для незаурядной личности, вознесенной судьбой и избалованной удачами. Смысл сказания в том, что человеку, как бы ни был он мудр и могуществен, не миновать тяжелой расплаты за свою самонадеянность, кощунство и пренебрежение к установившимся нормам, традициям жизни. Судьба Олега, подобно судьбам многих эпических героев подтверждают, что в жизни есть традиции, нормы, запреты, нарушение которых неизбежно приводит к гибели даже самого незаурядного человека. Такие люди обыкновенно гибнут неожиданно и в расцвете своих жизненных сил. Этот летописный эпизод, как мы знаем, лег в основу баллады А.С. Пушкина "Песнь о вещем Олеге" (1822 г.).

Пушкин не только использует летописные предания и блестяще рисует эпоху древнеславянского язычества, но и берет ро-

мантический сюжет чудесного таинственного предсказания. Он не только сохраняет народно-национальный колорит предания, но и придает ему в своей балладе полный исторический характер. Он хочет изобразить не только русскую народную легенду, но именно русскую культуру IX – X веков. Пушкин понял, что человек определен в своем характере не только национальностью, но и историей, поэтому в "Песне о вещем Олеге" все – от сюжета до слога – объясняется именно историческим заданием характеристики эпохи в пределах истории народа (см. 7, с. 331). Уже название баллады необычное: это "Песнь", то есть уже в названии есть архаический оттенок (ср. "Песнь песней" в Библии!). Пушкин пишет свое стихотворение не от своего лица, но и не от лица иноплеменника, а от лица русского певца, но певца X века; при этом он сохраняет и "взгляд европейца", уясняющий взгляды того певца, от лица которого как бы написана баллада. Эти же взгляды определены судьбами народа.

Перед нами народ-кочевник, воинственный, суеверный, но поэтически настроенный. Первые же слова общеизвестной первой строфы: "Как ныне сбирается вещий Олег..." определяют тональность стиля. Это слова – не архаические, но употребляющиеся для создания атмосферы старины. Уже здесь Пушкину удалось воссоздать представление о древних нравах и древней жизни. Упоминаемые здесь качества ("неразумные хазары"), поступки, понятия расцениваются в духе тех диких времен, в духе буйной политики народов X века. Хазары ведь совершили такой же буйный набег, какой сейчас совершает сам Олег, т.е. они неразумны не с точки зрения Пушкина. Или при описании свирепой мести Олега: "Их села и нивы... обрек он мечам и пожарам." Нет речи о сочувствии Пушкина таким отношениям, как неосуждается и летописцем жестокость князя при осаде Царьграда, ибо в духе тех времен так поступают враги. Это понятия и чувства людей X века. В последних двух строках этой же строфы начинает вырисовываться перед нами целая концепция истории Древней Руси. Князь и его верный конь, дружина князя едут "по полю" как былинные герои. Характерно, что они едут "по полю" т.е. не по дороге, которой нет. Вообще в балладе нигде нет описания дома, постройки, в ней мес-

то действия – под небом, даже пир Олега происходит неясно где, и едет Олег "со двора", а тризна в конце баллады на холме у берега. В изображении Пушкина дело Олега – не управление, а только война. Так именно князь предстает перед нами в речи волхва. Олег, вознесен судьбой, избалован военными удачами, только воюет, и пирует, и как сын своей эпохи, язычник – безропотно покоряется предсказаниям кудесника, и совершает тризны с заклинанием коня, могущего служить воину в битвах на том свете. Однако особенно характерен в этом контексте эпитет "в цареградской броне". Ведь этот суеверный князь-язычник, суровый воин, живущий под открытым небом на коне, едет "с дружиной своей в цареградской броне"... Жестокие победители могут обречь мечам и пожарам села и нивы, могут пировать вспоминая битвы, но сковать броню они не могут, не умеют. Броня – это оседлый труд, это культура. Их нет у народа-кочевника. "И вот эту культуру Олег – воин и дикарь – берет с бою в Византии" (7, с. 334). Таким образом Пушкин словосочетанием "в цареградской броне" в сжатой форме дает понять читателю стремление молодого развивающегося варварского государства к установлению экономических и культурных связей с Византией, крупнейшей наследницей античной культуры, подчеркивая, что культура на Руси идет оттуда, из Царьграда, на воротах которого висит щит Олега.

Пушкинский Олег скорее драматичен, чем эпичен. Это отражается в его жестах, в мимике и в речи. Его слова сообразно обстоятельствам меняют эмоциональную окраску. В его обращении к кудеснику слышится властный, самоуверенный тон могучего князя, а после предсказания кудесника наступает момент сомнения и колебания. И как ярко, скульптурно и лапидарно выписаны жесты и мимика Олега в сцене трогательного прощания с конем! Затем идет описание пира, передающее бег времени, и весть о смерти коня, которая означает: оправдались сомнения. Она вызывает у Олега печальное раздумье ("Олег головою поник... Что же гаданье?"), за которым следует в форме внутреннего монолога главное обращение Олега к кудеснику. В последней строке строфы передается немедленное решение Олега: "И хочет увидеть он кости коня..." Эмоция грусти и нежности достигает высшей точки в

последнем прощании с конем ("...Спи, друг одинокий!"). В конце этого прощания скорбь, дошедшая до предела, переключается в злую иронию ("...Мне смертию кость угрожала!"), и тут же настигает Олега трагический конец. "Недоверие Олега к предсказанию составляет драматический стержень баллады: сначала это только усмешка, сомнение, потом полная уверенность в лживости предсказания и, наконец, развязка: судьба настигает Олега как раз в тот момент, когда он бросает ей дерзкий, насмешливый вызов" (8, с. 45).

Но образ Олега в балладе оттеняется еще его отношением к волхву и коню. В ответ на самоуверенный и властный тон вопроса князя в третьей строфе звучат слова гордого, сохраняющего свое достоинство перед лицом "могучего владыки", кудесника: "Волхвы не боятся могучих владык, А княжеский дар им не нужен". Еще во второй строфе, где начинается характеристика волхва, говорится, что "покорный Перуну старик одному" не подчиняется никакой земной власти только Перуну, главному божеству славян-язычников. Это "вдохновенный кудесник", который связан незримыми связями "с волей небесною", именно поэтому он "заветов грядущего вестник". Он видит то, что недоступно обыкновенному взгляду. Эпитет "вдохновенный" приближает образ кудесника к образу поэта-пророка, наделенного силой безошибочного предвидения, которое выделяет его из среды обыкновенных людей (9, с. 44). Отсюда понятно, что у Пушкина как бы карой за сомнение в истине слов вещего слуги Перуна оказывается смерть Олега.

Не менее важно с точки зрения образа Олега его отношение к коню. Олег, воинственный князь народа-кочевника, вся жизнь которого проходит на коне. Все мысли кочевников о победе, о быте и обо всем связаны с конем. Конь – это друг кочевника, и естественно, что Пушкин избирает именно легенду о коне, как судьбе. Уже в первой строфе появляется "верный" конь как заключение строфы. Третья строфа опять заканчивается темой коня: конь – это высшая ценность, мерило щедрости ("В награду любого возьмешь ты коня."). Затем в речи волхва целая строфа отводится коню. Он не боится опасности, и, "чуя господскую волю", всегда

соответственно ей остается верным боевым товарищем. Затем – конь становится центром изложения: прощаясь с ним, Олег как бы не находит подходящих слов; он и "верный друг", и "товарищ", и "верный слуга". Трогательная товарищеская любовь князя к своему коню выражается в заботливости о его судьбе и в строках, передающих нежность жестов прощания. Можно сказать, что конь – это один из героев баллады, хотя и бессловесный. Благодаря таланту Пушкина, он всегда живо выступает перед нами и в похвалах кудесника, и в речах Олега.

При всем историзме воссоздания летописного сказания Пушкиным, в балладе есть субъективный, авторский момент: это – мысль о судьбе, властвующей даже над такими незаурядными людьми, как "могучий" Олег, – о судьбе, от которой, по летописному преданию и по слову народной пословицы, "не уйдешь", и "от судьбы защиты нет..." Эта мысль придает балладе Пушкина неуловимый оттенок грусти, элегический тон. Этим тоном овеяна, конечно, и сцена тризны Олега в последней строфе, где представлены новые персонажи (князь Игорь и Ольга) исторического круговорота, но поступки, действия участников по-старому повторяются.

"Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они".

ЛИТЕРАТУРА

1. Повесть временных лет. In: "Памятники литературы Древней Руси. XI – начала XII века." М., 1978.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М–Л., 1950.
3. Новгородская четвертая летопись. In: "Полное собрание русских летописей", т. 4, ч. I, вып. второй. Л., 1925.
4. Костомаров Н. Предания первоначальной русской летописи. Исторические монографии и исследования, т. 13, С-Пб., 1881.
5. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
6. Истоки русской биллетристики. Л., 1970.
7. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М., 1965.
8. Сломинский А. Мастерство Пушкина. М., 1959.
9. Фридман Н.В. Романтизм в творчестве Пушкина. М., 1980.